

«... Кровью сердца и огнями духа...»

Это письмо Г. Ф. Лукин написал Аиде Яновне Виестуре (1911–1995); биолог, окончившая Латвийский университет, она с 1932 г. была членом Латвийского общества имени Рериха (Письма с Гор. Т. 2. Минск, 2000. С. 551).

Как видим, в молодости Гаральд и Аида вместе приложили руку к тому, что в 1936 г. ушёл с поста председателя Общества К. Стуре — человек добропорядочный, но не подходивший на роль «вождя сердца» для тех, кто поистине горел идеями Учения. Только по имени назван здесь Юрий Николаевич Рерих, с которым Г. Ф. Лукин неоднократно встречался в 1957–60 гг. в Москве. Елена Ивановна Рерих названа по инициалам — это традиция Общества.

В 1944 г., перед уходом немцев из Латвии, когда Гаральд отказался переезжать на о. Готланд, в Швецию, Аида с родными уехала в Германию, а оттуда в США. По рекомендации от Е. И. Рерих, в 1951–54 гг. она вместе с отцом и сыном-подростком жила на ферме у Кэтрин Кэмпбелл под Нью-Йорком. Там она получила три письма от Е. И. Рерих, где содержался Совет о желательности её возвращения с сыном на родину в скором будущем. Этого не случилось, но в Риге она всё же побывала, в 1989 году.

Письмо Аиды, адресованное Элле, вдове Рихарда Рудзитиса, прибыло в Ригу из-за океана через 25 лет после её отъезда из Латвии. В нём она обращалась и к Гаральду. Он ответил таким же путём, прекрасно сознавая, чем это может ему грозить, если дойдёт до КГБ.

В письме Гаральда, в сущности, обсуждается только один вопрос — тот, который им обоим пришлось решать четверть века назад. С болью в сердце писала об этом Е. И. Рерих к К. Кэмпбелл, призывая её к состраданию и помощи хорошим душам, оказавшимся вне своей стихии: «Какую ошибку совершили многие из них, покинув свою страну! Несмотря на предупреждение и обещание, что Св. Сергей поможет и охранит. Но и здесь поработало недоверие...» (14. 10. 1952).

Гаральд Лукин был из тех, кто, приняв Учение Живой Этики и его Источник, безоговорочно принял и завет: «Доверие до конца, до последней черты». И его убеждённость в правильности этого выбора не смогло поколебать ничто.

Текст письма Г. Ф. Лукина (машинопись, ксерокопия), имеющийся в распоряжении редакции, публикуется с самой минимальной правкой.

Гаральд Лукин — Аиде Виестуре

29. IX. [19]69

Любимая Аида, вчера вечером прочёл Твоё письмо для Эллы. Казалось, если пишем, что тогда для притворства нет места. Может быть, местами будет трудно так писать, чтобы не касаться Твоей самомнительности, всё же буду стараться быть по возможности воспринимаемым. Ты уже меня знаешь, тогда и, надеюсь, обижаться не будешь.

Мне нравится, что Ты сохранила красивый латышский язык, даже можно сказать — очаровывающе красивый.

Помнишь ли Ты, что однажды, когда мы были молоды, мы подошли к одному постаменту с личностью. Улыбнулись друг

другу. Приложили плечо к плечу, и образ свалился со всем постаментом. И было так бесконечно хорошо в сердце. Тот образ был К. Стуре. Не показывается ли у Тебя на лице круглая улыбка, полной луне подобная? Ничего, это хорошо: радость — это один из ключей достижений. Потому радуйся.

При чтении Твоего письма создалось сладко-грустное настроение. В жизни я забыл плакать, но хотелось плакать.

Вчера вечером, когда я ложился спать, я в изголовье положил подстилку, подаренную Юрием. И видишь, проснулся уже бодрым раньше пяти часов. И написал Тебе телеписьмо.

Хотя я писал Тебе, что я забыл плакать, всё же я писал — со слезами, кровью сердца и огнями духа. Как хотелось, чтобы это телеписьмо Ты уже получила и смогла бы это читать всеми тремя ключами.

Ты пишешь, что Новый Мир можно строить в любом краю мира, всё зависит от ступени сознания. В принципе это выглядит хорошо, и даже Где-то так сказано. И всё же, и всё же...

Тогда ты пишешь о бесконечно красивых цветах. И опять кажется хорошо, И опять и опять, и всё же — эти красивые цветы могут быть посажены вокруг дома, где происходят чёрные мессы, но ни в коем случае они их не будут нейтрализовывать.

Тогда ещё Ты пишешь о каких-то светлых хороших студенчиках. Ну что там можно сказать — хорошо. В светлой памяти огненные слова Е. И.: Сентиментальность не любовь, а судороги любви. Такие выражения не применимы только к одному отдельному случаю, они горят в вечности с одинаковой неисчерпаемой силой.

Всё же ведь Тебе известно, кем был, кто есть Платон. Тебе известно, что он был продан в рабство. Проданный в рабство, он воскликнул: Пришла возможность заплатить за какой-то тяжкий долг!

В ходе истории никто не вспомнит, в какую одежду Платон был одет, в пурпур ли или в лохмотья. Но весь мир вспоминает такие его выражения, как: Идеи управляют миром. Мгновенно не приходят на ум другие [его] слова, но их не мало.

Акбар однажды воскликнул: Живу в такой роскоши, когда уплачу долг?

Христос однажды сказал: Когда я вернусь на Землю — как хотелось бы, чтобы Земля уже горела!

Но без масла нет пламени. Если люди это масло не сотворят — как гореть!

Кажется, у эсеров было выражение: без борьбы нет победы.

Видишь, упоминаю цитаты, данные на разные плоскости. И всё же все они идут к одной цели.

Теперь буду упоминать примеры из своей не так давнишней жизни.

В 1944 году, когда немецкое тёмное господство шло к концу, я жил в Угале, в изгнании. Местные рыбаки предлагали меня со всей семьёй перевезти на Готланд. Я знал, что там буду жить материально обеспеченную жизнь,

и всё же я отказался от предложения, хотя ясно осознавал, какие тяжести могут здесь меня ожидать. И всё же остался, потому что это и есть то место, где, истинно, в огне будет рождаться Новый Мир. И такой процесс не процесс одного дня. Это даже не нам и определить.

И всё же я остался и, несмотря на многое, что перетерпел, не сожалею. Сталь закаляется в огне и в холодной воде.

Новый мир не будут строить ангелы с розовыми крылышками, но Рабочий человек, — сказала Е. И.

Потом я находился на Севере, где холод тиснулся через кости. Я работал глубоко под землёй в шахте. С увлечением нёс шестиметровые тяжёлые стволы. Украинцы и другие на меня кричали: Что безумствуешь, подохнешь! Я отвечал — Строю Новый Мир. И не всё ли равно, где его строю. Строю Новый Мир. Потому что знал, что с каждым приложением руки укрепляю Государство, которое ведёт весь мир навстречу Новому Свету. И пусть и измождённый, всё же кричал — Пусть будет Свет!

Райнис говорил: Любовь сильнее смерти.

Истинно говорю тебе, Аида, победят только которые сильнее смерти.

Сильнее смерти те, как рассказывают сказания, — кто зачислены в полках воинов Шамбалы.

От сознания самих людей, их огня сердца зависит, зачислят ли его или нет в непобедимом полку военном Шамбалы.

Шамбала Сияющая — в Твоём имени зову: Пусть будет свет!

Эта дорога ведёт через тернии, по острым камням.

Всё равно, пусть ноги кровоточат — иду.

Тебе самой выбрать, идти по острым камням или по гладкому паркету.

Аида, Милая — будь крепче Смерти. Положи пластинку из «Аиды» Верди, марш победы, и шествуй.

Гаральд

Публикацию подготовил: Л. Данилов

© Л. Данилов, 2004, публикация

Опубликовано на сайте: 27.3.2004